

Ильгиз Гиматов

Башкирское время

Ильгиз Гиматов
Башкирское время

«Автор»

2026

Гиматов И. И.

Башкирское время / И. И. Гиматов — «Автор», 2026

В последние дни своего правления Никита Сергеевич Хрущев с официальным рабочим визитом посетил Татарию и Башкирию. По стечению обстоятельств одиннадцатилетний мальчик оказался на пути следования кортежа руководителя СССР.

© Гиматов И. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Кому Хрущев грозил кулаком?	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Башкирское время

Кому Хрущев грозил кулаком?

В летний зной, особенно в безветрие, в городе, расположенном в долине между холмами было невыносимо душно.

Едкие выхлопные газы все возрастающего количества грузового автотранспорта и тяжелой спецтехники, и тухлый запах неразлучной спутницы нефтедобычи – сероводорода, выбрасываемого и выползающего из скважин, из резервуаров, испарения вязкого битума из плавящегося под солнцем сваренного на скорую руку асфальта дорог и тротуаров, смешивались в ядовитый коктейль. Он плотным слезоточивым смогом висел над городом, накрывал кварталы, растекался по улицам, проникал в дома и квартиры.

Резкий удушающий запах особенно навязчиво преследовал вновь прибывших в город. Начинала болеть голова, слезились глаза. Они чихали, кашляли, терли глаза и вопрошали местных, морщась всем лицом:

– Как вы здесь живете? Да мы – ни за какие коврижки...

А коренные местные и пришлые, обосновавшиеся здесь с начала и в процессе освоения нефтяного месторождения и строительства города, знали, что коврижки бывают разные. Первопроходцы, люди в основном тертые жизнью и много испытавшие, знали, что иногда бывают такие ситуации и обстоятельства, когда не только за сладкие коврижки, но и за черствую хлебную корочку будешь корячиться в этом загазованном нефтяном и загазованном краю. Но они, для всех вновь прибывающих уже местные аборигены, об этом не говорили. А особо приветливым по-простецки отвечали:

– Привычные мы... Аллергия уже у нас на свежий воздух - без ядовитых выхлопов и запаха сероводорода задыхаемся.

В конце июня из Башкирии от маминой далекой родни, а другой, считалось, у нее не было, от маминой тетки, которая ее вырастила с малолетства, пришло письмо.

Ильяс не знал, о чем говорилось в письме. Его это не интересовало.

Он еще не знал, что и то, что тебя не интересно, тоже может каким-то боком коснуться тебя и даже определить отрезок твоей жизни, а порой, и всю жизнь.

Вечером ему было объявлено: завтра папа отвезет его в Башкирию к Самиге - апе. Он будет присматривать за гусями. За это его будут кормить, а осенью привезут целую тушку гуся.

– Воздух там чистый, – мама поправила Ильясу короткий чубчик. – Молока парного попьешь ... Окрепнешь. А то ты у нас какой-то худой...

Ильяс никогда не задумывался над тем худой он или не худой. Ну и что, что в своем классе и во дворе он самый маленький ростом. Он на равных играл со сверстниками в футбол, чехарду и лапту. И если надо дрался. Хотя не умел этого делать. Бросался на любого обидчика. В голове начинало звенеть и становилось горячо-прегорячо. И он превращался в звереныша. Которого трепали, но побаивались.

– Псих! – говорили пацаны во дворе. Все они были сильнее и выше его. Но задирать перестали. А вот девчонок Ильяс стеснялся. Они были для него из другого мира. В свои одиннадцать лет, он выглядя на пару – тройку лет младше.

Ильяс еще не успел разочароваться во взрослых – считал их всех добрыми по отношению ко всем детям, и почему-то особенно к нему. У них просто не было случая проявить это. Но в нужный момент сильные и умные взрослые спасут и защитят. Наверное, на это инстинктивно надеется каждый слабый ребенок.

Ильясу ничего не говорило слово «Башкирия». Это где-то очень далеко-далеко. Ему стало и страшно, и радостно от предстоящего путешествия. И почти самостоятельной жизни без папы и мамы. Без братьев и сестер. Без его, лучшей на свете семьи.

Как там все будет?

Самига – апа была суровой, молчаливой и очень строгой женщиной. Три года назад она приезжала к ним в гости. И не улыбалась, даже, когда чокалась с папой и мамой рюмками с башкирской самогонкой, привезенной в трехлитровой банке. Она гостила несколько дней. И все эти дни папа был веселый и добрый. Сажал по очереди на табуретку Ильяса, младшего его братишку и сестренку, и, взявшись за одну ножку табурета, поочередно поднимал их визжащих и хохочущих на вытянутой руке под потолок. Мускулы у него на руке были большими и твердыми как камень. И папа рассказывал, как он в семнадцать лет в конце войны работал на шахте и на спор больше всех выжимал пудовый отбойный молоток, которым рубил уголь. Ильяс в эти минуты гордился папой и любил его. От него приятно пахло потом, папиросным дымом и чуть-чуть совсем не противно самогонкой. Главное он был сильный и добрый.

Потом Самига – апа уехала. Папа опять стал молчать. На руке никого не поднимал. Придет с работы, поест и ложится спать. Проснется, поест и уходит на работу на буровую. Иногда дяденьки из его буровой бригады заводили папу домой пьяного – препьяного прямо в грязной брезентовой рабочей одежде. Они сами тоже были сильно пьяные и поддерживали друг друга.

– Хозяйка! – наперебой говорили они маме. – Не ругайся. Отмечали рекордную проходку. Мастера своего на героя тянем.

– К черту вас! А вам-то что дадут? – улыбалась вымучено мама, вытирая руки об изношенный фартук. Пальцы и ногти на них у нее изъедены хозяйственным мылом и технической содой, которыми она стирала в большом цинковом корыте каждый день чего-то из одежды и постели. Соду папа приносил с буровой. Мыло выдавали ему на работе.

– А нам нальют по полному граненному и премию деткам на конфетки отвалят, – смеялись папины друзья. – И на том спасибо... Живы будем – не помрем!

И товарищи отца большие сильные в грязных пропахших нефтью куртках, в больших кирзовых сапогах и черных касках на головах были похожи на сказочных героев. «Живы будем – не помрем!» – повторяли они по любому случаю. Громко разговаривали и громко смеялись, как люди сильные, которые ничего не боятся.

В рабочих спецовках из жесткого брезента они, большие и широкоплечие, казались Ильясу богатырями. От них даже пьяных веяло силой и удачью. От них пахло ветром и нефтью, папиросами и водкой.

Что такое гуси Ильяс знал хорошо. До школы, когда они жили в старой части города, все летние дни он вместе со старшим братом и соседскими мальчишками проводил на речке. А там гусей было много. Они громко гоготали, страшно шипели и бросались на мальчишек, вытянув шеи. Особенно, когда водили за собой пушистых серых гусят. Тогда Ильяс их боялся. Но тогда он же был еще маленький. А сейчас ему уже одиннадцать лет ...

Мама с вечера сложила в маленькую стопочку сатиновые трусики, шаровары и маечку. Все это было ношено-переношено братом, который был на два года старше Ильяса. Стопочку этих вещей мама завернула в мятую газету так, что ее название «Знамя труда» оказалось сбоку и хорошо просматривалась через ячейки плетеной сетки, куда мама и положила этот сверток. Ильяс один раз слышал, как сосед дядя Петя назвал эту газету городской сплетницей. Дядя Петя тоже работал на буровой. А там, говорили взрослые, всех заставляли выписывать эту газету. Ее приносил домой почтальон. Но папа ее не читал. Потому что сильно уставал на работе. И мама не читала, потому что целый день варила и стирала. И тоже уставала. В газету

удобно было что-нибудь заворачивать. Новая она пачкала руки краской. Старая не пачкала. И сетка была знакомой. С ней Ильяс с братом ходили за хлебом. Мама будила их рано-рано и они бежали к хлебному магазину через полгорода занимать очередь за несколько часов до открытия. К открытию приходила мама. Давали по одной булке человеку. Они покупали три булки хлеба. По дороге домой Ильяс с братом сгрызали поджаристую корочку с одной из булок. К вечеру хлеба дома уже не было. Для двоих взрослых и шестерых детей трех булок не хватало. А иногда хлеб в магазин не привозили. Говорили, что нет муки на хлебзаводе. И очередь расходилась. Взрослые ругали какого-то Хруща. Но не громко. Оглядываясь по сторонам. В такие дни дома ели картошку в мундире. Без хлеба.

Ранним утром отец, сопя и вздыхая, надел свой единственный темно-серый костюм. В каждый боковой карман пиджака положил по пачке папирос «Север».

Ильясу в руки сунули сетку с его вещичками, завернутыми в газету.

И они пошли на городской автовокзал.

Ильяс впервые в жизни уезжал так далеко и так надолго из дома. Немного волновался, но старался этого не показывать. С любопытством смотрел по сторонам. Иногда с гордостью оглядывал папу. Крепкий, широкоплечий, он в костюме был похож на начальника.

Автовокзал находился в длинном барачном здании. На площадке перед ним стояло много пассажирских и вахтовых автобусов. Рядом толпились люди.

Отец купил билеты в кассе. Через полчаса ожидания они сели в большой автобус, на плоском носу которого была большая блестящая железная буква «Л».

Им достались места в самом конце салона над двигателем. На это длинное сидение впровывалось шесть или семь человек. Автобус быстро заполнился. А потом и переполнился. Запоздавшие пассажиры плотно стояли в проходе между креслами, цепляясь за потолочные поручни. Казалось, они висели на них.

Еще не поехали, а Ильясу стало жарко и душно.

Шум, гвалт, суета, толкучка.

– Это мое место! – кричала женщина впереди. – Видите, это мое место. Вот билет!

– А у меня тоже билет, – отвечал густой мужской голос.

– Но у меня же указано вот это девятое место... А у вас какое? Идите на свое место!

– Иди ты сама знаешь куда?

– Товарищ водитель! Товарищ водитель! Наведите порядок!

В ответ снисходительный и уверенный в своей правоте хозяйский голос:

– Занимайте свободные места. Или выгружайтесь все и будем рассаживаться согласно купленным билетам...

Договорить не дали. Заорали со всех сторон:

– Поехали! Кончай базар! Дышать нечем! Тоже барыня нашлась... Садись, где стоишь!

Но и стоять в салоне уже не где.

Поехали. Как-то, после нескольких толчков-качков на дорожных рытвинах, все утряслось. Кто сидел, кто стоял - кому как повезло. Но главное - поехали.

А потом начался новый номер концертной программы. И длился он с небольшими перерывами до самой Бугульмы. Всю дорогу, визгливые и тягучие и от этого очень противные, женский и мужской голоса переругивались: звучали по отдельности и одновременно, перебивали друг друга.

– Да ты алкаш! – начинал пронзительно верещать женский голос. – Пьянь подзаборная!

– А ты сама... – задыхался захлебывался от злости хриплый голос мужской. – А ты курва конченная! И мать твоя курва!

– Не трогай мою мать! А вот твоя мать – то... Печать негде ставить!

И пошло и поехало.

Из-за людей стоящих в проходе Ильяс не видел ругающихся.

Пассажиры сначала улыбались и усмехались. Но потом убаюканные ровным гулом двигателя и постоянной мелкой тряской автобуса равнодушно воспринимали голоса. Как радио на стене: бу - бу - бу целый день. Перестаешь замечать. Или, ну жужжат мухи и пусть себе жужжат, лишь бы не кусали... Ну ругаются мужик и баба - ну и пусть себе... Дело житейское. Значит не безразличны друг другу.

Но когда голоса начинали материться, их глушил окрик водителя:

– Сейчас высажу на хер! Пешком насобачитесь до упора...

Голоса умолкали. Несколько минут был слышен только гул двигателя да поскрипывание сидений. Иногда мелкие камешки, побрасываемые колесами, дробно щелкали о днище автобуса. А потом опять «радио» включалось, «мухи» начинали жужжать и грызть друг друга.

В автобусе стало совсем душно и жарко. Окна не открывались. Ручки верхних вентиляционных люков были намертво прикручены стальной проволокой к приваренным к крыше салона кронштейнам.

Из под сидений выбивался горячий воздух с кислым запахом. Во рту появился металлический привкус. Защищало в глазах.

– Глушак сечет, – сказал сидящий рядом с папой жирный дяденька. Его большой живот отвисал и постоянно вздрагивал и колыхался, реагирую на каждый толчок рессор от ухабов и рытвин на дороге. Мужчина постоянно вытирал рыхлое лицо и жирную шею под бритым затылком грязным платочком.

«Кто такой Глушак? – подумал Ильяс. – И что он сечет?».

Пацаны постарше, когда спорили кричали друг на друга:

- Да ты тупишь! Да ты не сечешь ни хрена!

И всем было понятно, что пацан, на которого так кричали, чего-то не в чем-то не разбирается.

«А этот Глушак, о котором сказал жирный дядька сечет, – взялся размышлять Ильяс. - Только имя какое-то странное – Глушак. А у меня какое имя? Что оно означает? Почему меня так называли? Надо будет спросить у папы. Когда он пьяный с работы придет. Тогда он добрый и веселый. И со всеми разговаривает и всякие интересные истории рассказывает... А когда он трезвый молчит, сопит и тяжело вздыхает...».

Ильяс не заметил, как автобус оказался на бугульминском автовокзале. С железным лязгом и шипением воздуха открылись передние и задние двери салона. Приехали!

В передней двери образовался затор. Тот самый надоевший всем скандальный женский голос плаксиво верещал:

– Ой, не давите вы! Не давите! Что за люди?! Коленька, миленький, потерпи... Бедненький, укачало... Да, не давите вы, сволочи! Тут человеку плохо!

Бедненький и миленький Коленька цеплялся за спинку переднего сиденья и загоразивал выход из автобуса, изогнувшись и покачиваясь худым телом. Всем видом показывал, что не понимает происходящего, что от него хотят и почему напирают.

– Не имеете право, – гнусаво и капризно тянул он. – Зоя! Зоенька! Я так уважаю твою мать!

– Достали, ... вашу мать! – высокий спортивного вида парень, схватил Коленьку сзади за плечи, оторвал от пола и хорошенько встряхнул.

– Понял, понял... – сразу бодрым голосом отозвался в миг протрезвевший капризный скандалист. – Зоенька! Выходим... Выходим! Вещи не забудь!

Только Ильяс с отцом сошли на привокзальную площадь, рядом с ними стал трогаться автобус, гораздо меньше того, на котором они приехали.

Отец побежал вперед и, прочитав вывеску над лобовым стеклом отъезжающего автобуса, замахал руками и закричал:

– Стой! Стой!

Автобус остановился. Передняя дверь зашипела и открылась.

– С билетами что ли? – спросил шофер.

Отец посадил Ильяса:

– Договоримся!

Водитель хохотнул:

– Договоримся! Давай назад... Там есть свободные места.

На выезде из Бугульмы автобус еще несколько раз останавливался возле машущих руками людей. Потом, съехав на обочину, водитель обошел салон. Наклонился к новым пассажирам и что-то им говорил. Добрался к заднему сиденью и взял у отца деньги. Взамен дал две мятые бумажки.

– Если будет проверка, скажете, что только что сели, – подмигнул Ильясу шофер.

– Договорились, – ответил папа.

Минут через двадцать автобус опять стал замедлять ход. Впереди на обочине стояла зеленая «Победа». Возле нее маячали две грузные тетки. На руке у одной выше локтя синяя повязка с какой-то надписью. Женщины внимательно наблюдали за приближающимся автобусом.

– Проверка, – сказал кто-то из пассажиров. – Контролеры.

Ильяс почувствовал, как сидящий рядом отец напрягся.

Но автобус не остановился, а только снизил скорость. Проезжая мимо глазастых теток – контролеров, водитель отработанным движением выбросил левой рукой спичечный коробок в приспущенное окно:

– Жрите, твари! – оскалился злой улыбкой.

Контролеры, этого не слышали, но заметили движение руки. Они приветливо улыбнулись в ответ. Спичечный коробок спланировал на противоположную от них обочину дороги.

Автобус ускорил движение. Одна из женщин, оглянувшись по сторонам, перешла дорогу и, быстро нагнувшись, подхватила спичечный коробок с земли.

Все пассажиры и те, кто ехал по настоящим билетам, и те, кого приветил «сердобольный» шофер с плутовскими глазами облегченно вздохнули. Кому охота париться в душном автобусе, пока будет идти проверка. Да и мало ли что на уме у этих толстозадых теток с большой дороги.

Пассажиры оживились, когда автобус стал въезжать на мост через широкую, очень широкую реку по сравнению с Заем – единственной рекой, которую знал до этого Ильяс. Он завертел головой во все стороны.

Седой дедушка с морщинками вокруг добрых глаз и с журналом «Огонек» в руках сидел рядом в другом ряду. Блеснул очками в сторону Ильяса:

– Это река Ик. На той стороне начинается Башкирия.

«Ик, ик, ик... – смешно замелькало в голове у Ильяса. – Если икаешь, надо воды попить, мама говорит...»

– И прошу заметить, молодой человек, – сказал дедушка. – Башкирское время на два часа опережает время московское, а, значит, и время в Татарии. Другой часовой пояс. Понятно?

Ильяс согласно закивал головой, хотя ничего не понял. Как может быть разное время? Оно всегда одно и то же. Чего только не придумают взрослые.

Дедушка поправил очки на лице и опять уткнулся в журнал.

От того, что к нему впервые обратились – «молодой человек», Ильяс засмутился и покраснел. Хорошо, что этого никто не заметил.

Отец молча перевел стрелки часов на левой руке на два часа вперед.
Башкирское время началось.

В Октябрьском застряли. Нужный маршрутный автобус сказали будет лишь через три часа.

Стало совсем жарко и очень душно. Хотелось пить и кушать.

– Жди здесь, – сказал строго отец и показал на массивную свободную скамейку из длинных прямоугольных досок, прикрепленных к толстым бетонным тумбам. Скамейка стояла на самом солнцепеке и поэтому никто на ней не сидел.

Отец ушел в сторону одноэтажного приземистого здания автовокзала и быстро потерялся из виду в пестрой толпе. В асфальтовом мареве зноя она, если смотреть на нее через сильно прищуренные глаза, казалась многоголовым шевелящимся и колышущимся чудовищем. А солнце заставляло Ильяса щуриться.

Привокзальная площадь кишела людьми. Они ходили в разные стороны, сидели на многочисленных скамейках, оживленно беседовали, жевали, пили, курили и бросали мусор и окурки мимо уже переполненных уродливых бетонных урн.

Верещали, смеялись и плакали дети. Стояли, отъезжали и подъезжали разные автобусы. Из одних вываливались разморенные духотой раскаленных салонов люди с узлами, хозяйственными сумками, рюкзаками и простецкими котомками, в другие ломались одуревшие от жары и долгого ожидания пассажиры тоже со своим многочисленным ручным скарбом и детьми разных возрастов.

Неравномерный приливный и отливный шум автовокзальной людской волны с садистским постоянством кромсал нечленораздельный, как одновременный разнобойный крик сразу нескольких голодных и злых чаек, вибрирующий женский голос, сообщающий о прибытии и отправке автобусов, о начале посадки на них. Это противный скрипучий, перебивающий и съедающий самого себя голос вылетал из больших железных репродукторов – колоколов установленных на столбах освещения по углам вокзальной площадки друг против друга. Поэтому звуки, вылетающие из них сталкивались и коверкались. В это время все замирали, напряженно вслушиваясь в поток слов – инвалидов. Ильяс, как не старался, ничего не мог понять. Стоило смолкнуть репродукторов, опять нарастал и разливался по площади людской говор.

На соседней скамейке, на которую падала тень от навеса, тетки в белых сатиновых платках и, несмотря на жару, вязанных кофтах, как только вокзальное радио булькнуло и умолкло, продолжили неторопливую беседу. Пузатые ведерные белые бидоны стояли у ног, обтянутых хлопчатобумажными светло-коричневыми чулками в потных складках.

– Как бы не прощелкать автобус – то... – певуче протянула старшая по виду сухенькая тетка. На ногах у нее высокие резиновые калоши, из которых выглядывали раструбы серых вязаных шерстяных носков.

На сидящей рядом краснощекой молодой черные лакированные туфли. Потрескавшиеся и пыльные. Подошвы косо стоптаны.

– А ты, баба Нюра, сама-то все продала? – лениво протянула молодуха и достала из хозяйственной сумки большую ватрушку с мятой картошкой. Вкусно запахло домашней выпечкой. Рот Ильяса стал наполняться слюной.

– Да ты что... – старшая тетка поправила платок на голове. – По холодку – то по утреннему не поспела всех обойти. В коленке стрелят, к дождю наверное... Литра два, чай, осталось. Пооди, скиснет до дому...

– Блинов наведешь, – смачно пережевывая куски ватрушки, посоветовала молодая тетка.

– Ну и вкуснотища, баба Нюра, эти шаньги с картохой.

– По молодости все вкусно...

– Будешь, баба Ньюра?

– Нет. Изжога замучает...

– А ты, малайка, будешь? – тетка протянула надкусанную ватрушку.

Ильяс отрицательно помотал головой. И проглотил слюну.

– Не хочу... – и опять, не смог сдержаться, проглотил слюну.

Отвернулся.

– Ну, как хочешь... – хохотнула толстушка и откусила добрый кусок от ватрушки. – Глянь, какой гордый татарчонок... Голодный, а не берет.

Наконец отец вернулся. От него пахло пивом. Он протянул Ильясу пирожок в промасленной бумажке. Пирожок был не понятно с чем и от обилия пережаренного прогорклого масла скользким и противным. Ильяс кое-как осилил половину. Хотелось пить.

Отец опять ушел в сторону здания вокзала и вернулся через полчаса с бутылкой мутного лимонада в руке. От отца еще сильнее пахло пивом.

Ильяс выпил из горлышка полбутылки сладкой и теплой газированной воды и его стошнило.

Тетки-молочницы и другие люди с соседних скамеек с брезгливым любопытством смотрели на них.

Отец взял Ильяса за руку и отвел в тень от здания вокзала.

Туймазинский автобус был переполнен. Сначала ехали стоя. Но минут через двадцать после выезда из Октябрьского тетки с бидонами сошли у небольшой придорожной деревушки.

Отец успел усадить Ильяса на одно из освободившихся мест, а сам с невозмутимым видом простоял рядом.

В Туймазах вокзал не большой. Он был совершенно пустым. День по башкирскому времени клонился к вечеру. Кассы закрыты. Походили вокруг здания. Присели на облезлую скамейку.

Наглые воробышки прыгали перед ними по шелухе от семечек, чирикали и ссорились, вспархивали и вновь возвращались шебуршать в мусоре. Некоторые из них подсакивали к сандаликам Ильяса и бесцеремонно разглядывали его хитренькими бусинками глаз.

Вдруг воробы одновременно включили пропеллеры своих крылышек и, вспарывая с шумом упругий воздух, разлетелись в разные стороны.

К скамейке в развалку подошел коренастый парень в широких серых холщовых брюках и светлой рубашке на выпуск с короткими рукавами.

– Куда едем? – спросил парень, глядя в сторону. Внушительные мускулы на его руках шевельнулись.

– В Шаран, – спокойно ответил папа.

Ильяс знал, что у папы мускулы тоже большие и тоже могут шевелиться, как живые.

Парень оценивающим взглядом измерил ширину плеч отца:

– Вам повезло. Автобус сейчас туда пойдет. Он у сквера на той стороне улицы. Едем?

– Сколько?

– Два за взрослого, рубль - за пацана, – парень уже не играл мускулами и с уважением смотрел на отца.

– Договорились.

В старом с облезлой краской автобусе-развалюхе парилось с десятков пассажиров.

Как только Ильяс с отцом поднялись в грязный с ободранными сидениями салон, автобус тронулся. За рулем сидел невзрачный потрепанный мужичок.

Спортивный парень, собравший деньги за проезд, довольным взглядом, поигрывая мускулами на руках, проводил автобус.

Сразу же городом, узкая асфальтированная дорога перешла в щебеночную. Вся в ухабах и рытвинах она изгибалась и тянулась по холмам и вдоль холмов, по которым взбирались и сбегали группами и в одиночку березы, дубы, елочки и всякие разные кусты – пышные и чахлые.

Невзрачные деревушки, где часть домов с соломенными крышами, и безликие барачные поселочки слева и справа от дороги чередовались нефтяными насосами – качалками. Они, похожие на каких-то большеголовых железных гигантских птиц, тупо отбивали медленные земные поклоны на опушках лесов и придорожных полях. Некоторые сбивались в стайки и уже вместе то ли молились, то ли, неутомимо соперничая друг с другом, склевывали с земли что-то настолько вкусное, что невозможно остановиться. На подъемах автобус полз с тяжелым надрывным завыванием, из последних сил преодолевая их. А когда катился по наклонной дороге, сильно раскачивался, подпрыгивал и дребезжал. Казалось, он вот-вот развалится, разлетится вдребезги.

И все же они доехали до районного центра. Оказалось до теткиной деревни оставалось еще семь километров. Ждать попутки не стали. Да навряд ли на них здесь можно было надеяться. Пошли пешком. Через лес по рыхлой, разбитой дороге. Местами в рытвинах колеи и в зарастающих ложбинках вдоль обочин стояла пахнувшая болотом зеленая вода.

Ни одна машина не догнала их, ни одна не проехала навстречу.

Ветерок иногда шептался с березками. Рябинки пошевеливали своими маленькими веерами листьев. Кукушка совсем близко, рядом с дорогой отчитывала пройденные метры и обещала пешеходам многие годы жизни. Ей вдалеке вторила другая. Словно подтверждая сказанное первой.

Отец молчал.

Через полчаса неторопливой ходьбы встретились два человека. Навстречу шли худой с острым лицом мужчина в серой выцветшей рубашке и мятых брюках, заправленных внизу в шерстяные вязаные носки и женщина в пожухлом от солнца платочке, надвинутом на глаза. На ней не то длинное мышинного цвета старое платье с железными пуговицами спереди, не то затасканный хозяйственный халат. На ногах у обоих пыльные калоши. В глазах настороженное любопытство. Они чуть слышно перебрасывались короткими фразами на незнакомом певучем языке.

– Далеко до родника? – спросил отец. – Родник где-то был у дороги...

– Скоро, – с неожиданно звонким юношеским переливом в голосе ответил мужчина.

Когда встречные пешеходы прошли мимо и стали удаляться, отец сказал:

– Марийцы...

Лес кончился. С пыльной дороги, сползающей по склону холма, стало видно село.

Гудели ноги. Пересохло во рту. Хотелось есть.

Деревня, похоже, состояла из одной длинющей улицы, по сторонам которой стояли бревенчатые дома с шиферными и соломенными крышами. За избами, сараями и другими хозяйственными постройками прямоугольники огородов. По ним ровными рядами, зеленой лавиной ползла цветущая картошка, справа – к серой ленте речушки, слева – к склону протянувшегося вдоль деревни невысокого холма.

Дорога единственной улицы в бархате пыли, пропеченном за день солнцем, с медленным упорством тянула в свою сонную пустоту спасительные остроконечные тени домов с левой западной стороны.

Во второй половине села, прямо на середине улицы, уродуя ее, стыдливо присело старое кирпичное здание без окон с осыпающимися кривыми стенами.

На железной старинной ковке массивной дверью с мудреным рельефным узором, висел огромный и неприветливый, как клыкастая бульдожья пасть, большой ржавый замок. Над дверью криво пригнана пожелтевшая фанерка с бледной надписью «МАГАЗИН».

На грубых досках полуразрушенного крыльца лежала вытянувшись на боку большая лохматая собака неизвестной породы. Без признаков жизни. Но она оказалась живой – услышав шаги, приподняла взъерошенную морду и мутно посмотрела сонными глазами на проходивших мимо чужаков. Они ее не заинтересовали. Она мягко впечаталась отвислым ухом в шершавую доску крыльца и вновь превратилась в бесформенную кучу пыльной шерсти.

Через несколько десятков метров на низенькой скамейке у неожиданно аккуратного домика с новой шиферной крышей и с веселыми голубыми ставнями на чистых окнах, заставленных пышными домашними цветами, сидел босоногий хрупкий дедушка в красной рубашке навыпуск. Белые мелкие кудри и седая бородка клинышком обрамляли прозрачное лицо без единой морщинки.

Призрачная синяя струйка дыма тянулась вертикально вверх от папиросы в его тонких иссохшихся пальцах и растворялась над головой. Старик умиротворенно и светло улыбался. Взгляд выцветших глаз вслед за табачным дымом устремлялся в небо.

На идущих мимо отца и сына сказочный дедушка даже и не посмотрел.

Изба Самига – апы стояла на правой стороне улицы на самом краю села. Дальше начиналось кукурузное поле. В предвечерней синеватой тишине стебли кукурузы, пришибленные многодневным зноем, обреченно жались друг к другу поникшими удлинненными листьями.

Два не больших окна наполовину закрытые белыми занавесками смотрели на улицу. Одно такое же окно выходило в двор. Бревенчатая стена в сторону поля была слепой.

Соломенная крыша спрессованная и отполированная дождями и ветрами сбилось в серое ровное покрытие.

Рядом с низенькой дощатой калиткой ворота – две сухие жердины перекрещенные внутри прямоугольника из таких жердей, грубо струганных когда-то топором, посеревших и потрескавшихся от времени. Одна сторона этого корявого прямоугольника не туго прикручена стальной проволокой к массивному короткому столбу, вырубленному из узловатого бревна. Другая сторона ворот придерживалась камнем.

Небольшой узкий дворик шел с наклоном к низенькой к низенькой изгороди, сплетенной из тонких прутьев и веток, высохших до черноты. За изгородью в фиолетовой и белой пене пышные ряды цветущего картофеля ползли вниз в сторону речушки.

Справа в метрах пяти от входа во двор притулился сарайчик, сложенный из связанных между собой жердей, стянутых обрывками досок. Его крыша переходила в навес, поддерживаемый столбиками ошкуренных высохших тонких стволов каких-то деревьев.

Самым приметным и выдающимся сооружением двора было крыльцо на входе в избу – без перил, без навеса, из широких досок, в три ступени оно возвышалось над двором. С него хорошо просматривались и огород, и улица, и даже луга по обеим сторонам речки. И сам речка, ее петли и изгибы в ивовых кустарниках среди черных приземистых ветел.

– Приехали что ли?! – парень лет семнадцати с длинными жилистыми руками прыгнул с крыльца. В серых глазах с короткими выцветшими ресницами искренняя радость. Все лицо в мелких веснушках - конопушках. Широкий приплюснутый нос. Одет в заношенное серое хлопчато-бумажное спортивное трико с отвисшими коленкам и застиранную бывшую когда-то голубой майку – безрукавку.

Парень с ходу сунул босые ноги в потрескавшиеся калоши и через мгновение тряс руку отца, захватив его ладонь сразу двумя своими.

Он острижен наголо. Но волосы его уже немного отросли и делали его чуть похожим на колючего ежика. Широкая улыбка сузила глубоко посаженные глаза и обнажила крупные зубы. Один из них стоял в общем нижнем строю своих белых и острых собратьев в пол оборота и, чуть выдаваясь вперед. Словно гордясь своей непохожестью на обыкновенные другие и стараясь это подчеркнуть.

Парень, как взрослому, крепко пожал руку Ильясу и похлопал его по плечу.

– Ну, вот ты какой... Худой что-то совсем. И маленький...

Ильяс насупился. Он понял, что это сын Самига – апы. Его звали Рамис.

А тот опять повернулся к отцу:

– Мамка скоро придет с фермы... Пока, давайте, чайку что ли...

– Подождем, – сказал отец.

Потом они –долго пили вкусную, но очень холодную колодезную воду. Набирали ее тяжелым черпаком из цинкового ведра. От воды заломило зубы, но тело покрылось испариной.

Отец сел на верхнюю ступень крыльца и закурил.

Рамис опустился рядом:

– Дай, что ли и я отравлюсь...

Отец молча протянул надорванную с уголка пачку папирос.

.

Ильяс обследовал двор.

За плетеной изгородью в огороде в серой пыли у самых мясистых стеблей картофеля барахтались, перекатываясь с боку на бок, светло-коричневые курицы. Одна из них с крапинками белых перламутровых перышек на груди старалась все время находится поближе к петуху – красавцу с огромным красным гребнем на голове и двумя алыми грушевидными отростками под гордо выступающим вперед изогнутым желтым клювом. Сам петух, весь в синих, рубиновых, изумрудных и золотых переливах от головы до кончиков перьев роскошного хвоста, внимательно наблюдал за своими подружками и за тем, что происходило вокруг.

При виде Ильаса петух встрепенулся и выдал короткую очередь резких гортанных звуков:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.